

А. И. Куляпин, О. А. Скубач

СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ БЫТОВОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА 1920–1930-х ГОДОВ

Поведение советского человека почти всегда рутинно, но самим субъектом оно воспринимается как свободное, то есть знаковое. Оказавшись в одинаковой ситуации, представители дореволюционной и послереволюционной культуры ведут себя по-разному. Модель бытового поведения нового человека очень точно воссоздана в рассказе М. Зощенко «Прелести культуры» и в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Унификация всех сторон жизни советского человека – следствие миметической доминанты его поведения.

Ключевые слова: семиотика, знак, код, символ, мимезис, семиозис, текст.

A. I. Kulyapin, O. A. Skubach

SEMIOTIC MODEL OF EVERYDAY BEHAVIOR OF SOVIET MAN OF 1920-1930

Soviet human behavior is almost always a routine, but it is perceived by the subject as a free, symbolic. Caught in the same situation, the representatives of the pre-revolutionary and post-revolutionary culture behave differently. Model everyday behavior of the new man very accurately recreated in the story M.Zoshchenko "Pleasures of culture" and in the novel by M.Bulgakov "The Master and Margarita". Unification of all aspects of the life of the Soviet people – a consequence of the mimetic dominant of the behavior.

Key words: semiotics, sign, code, symbol, mimesis, semiosis, text.

Бытовое поведение, с позиции семиотики, разделяется на рутинное и знаковое. «Область рутинного поведения отличается тем, что индивид не выбирает его себе, а получает от общества, эпохи или своей психофизиологической конституции как нечто, не имеющее альтернативы, – писал Ю. М. Лотман. – Знаковое поведение – всегда результат выбора и, следовательно, включает свободную активность субъекта поведения, выбор им языка своего отношения к обществу» [Лотман, 1992, т. 1: 34].

Поведение советского человека почти всегда рутинно, вынужденно, но парадокс в том, что воспринимается оно самим субъектом как свободное, знаковое. Причины подмены принудительного добровольным, рутинного – знаковым хорошо подмечены И. Ильфом и Е. Петровым. Перейти на мясной рацион герою романа «Двенадцать стульев» (1928) Коле Калачову не позволяет мизерная зарплата: «Мясо пробило бы в Колином бюджете огромную, незаполнимую брешь. < ... > При таких условиях перейти на мясоедение значило гибель». Вопреки очевидности, обманывая самого себя, герой перевоплощается в идейного вегетарианца. «Подумай только, пожирать трупы убитых животных! Людоедство под маской культуры! Все болезни происходят от мяса», – убеждает он жену. Осмысленный сюжет у любого поведенческого текста обычно появляется при наличии литературного аналога, быт подгоняется под освященную традицией знаковую систему. Герой И. Ильфа и Е. Петрова руководствуется той же логикой: «Лев Толстой, – сказал Коля дрожащим голосом, – тоже не ел мяса» [Ильф, Петров, 1961: 166].

Сверхсемиотичность советской кулинарии отмечает И. Эренбург в романе «Рвач» (1925). Самое интересное место коммунальной квартиры, конечно, кухня. «Кухня была общей, и меню каждого оценивалось с точки зрения этики, эстетики, а также возможности вынужденного переселения в Нарым» [Эренбург, 1964: 261]. Широкое распространение таких оборотов, как «харчи пролетарского происхождения» [Эрдман, 1990: 28] или «честный советский хлеб» [Леонов, 1972: 556], свидетельствуют о политико-идеологической и социальной доминанте советской кухни.

Неизбежное убожество одеяний советских граждан, порожденное всеобщим обнищанием 1920–30-х гг., тоже преподносится как преднамеренное. В колонии имени Горького, рассказывает А. С. Макаренко, не было «новой, красивой обуви. Поэтому на парады мы приходили босиком, но это имело такой вид, как будто это нарочно» [Макаренко, 1979: 229].

Сначала одежда была тем «явным признаком, по которому новые “хозяева жизни” определяли принадлежность незнакомого человека к “эксплуататорам”» [Жирицкая, 2003,

с. 225]. Позже, в 1930-е гг., вспоминает С. Тхоржевский, «провозглашение всеобщего равенства власти пытались подчеркнуть равенством внешним». «Советскому гражданину надо было выглядеть бедным, стремление получше одеться считалось буржуазным предрассудком» [Тхоржевский, 2004: 206].

Оказавшись в одинаковой ситуации, представители дореволюционной и послереволюционной культуры ведут себя по-разному. Модель бытового поведения нового человека блестяще воссоздана в рассказе М. Зощенко «Прелести культуры» (1926) и в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1940).

Василий Митрофанович из рассказа М. Зощенко приходит в театр и только около фойе вспоминает, что кроме ночной рубахи на нем ничего нет.

«Пальто у меня было в тот вечер прямо на ночную рубашку надето. Пиджака не было. И чувствую, братцы мои, сымать как-то неловко. Прямо, думаю, срамота может сейчас произойти. Главное – рубаха нельзя сказать, что грязная. Рубаха не особо грязная. Но, конечно, грубая, ночная. Шинельная пуговица, конечно, на вороте пришита, крупная. Срамота, думаю, с такой крупной пуговицей в фойе идти. < ... >

Товарищ Локтев говорит:

– Ну, покажись.

Расстегнулся я. Показываюсь.

– Да, говорит, действительно, видик ...

Дама тоже, конечно, посмотрела и говорит:

– Я, говорит, лучше домой пойду. Я, говорит, не могу, чтоб кавалеры в одних рубахах рядом со мной ходили. Вы бы, говорит, еще подштанники поверх штанов пристегнули. Довольно, говорит, вам неловко в таком отвлеченном виде в театры ходить. < ... > А то, говорит, один кавалер чуть не в подштанниках, а у другого галстук вместо пиджака» [Зощенко, 1968: 100–101].

Выход Василию Митрофановичу подсказывает товарищ Локтев: «– Вот чего. Ты < ... > подтяжки отстегни, – пушай их дама понесет вместо сумочки. А сам валяй как есть: будто у тебя это летняя рубашка “апаш” и тебе, одним словом, в ней все время жарко» [Зощенко, 1968: 101].

Булгаковский Иван Бездомный волей случая обречен прошествовать по улицам Москвы в кальсонах, и поступает он точно так же, как герой М. Зощенко: «Иван оборвал пуговицы с кальсон там, где те застегивались у щиколотки, в расчете на то, что, может быть, в таком виде они сойдут за летние брюки < ... >» [Булгаков, 1989: 56].

И в том и в другом случае попытка выдать нижнее белье за летнюю одежду безуспешна. Публика отказывается в ночной рубахе Василия Митрофановича увидеть рубашку «апаш»: «Вдруг в антракте задние соседи скандал поднимают. Зовут администрацию. Объясняют насчет меня.

– Дамам, – говорят, – противно на ночные рубашки глядеть. Это, – говорят, – их шокирует» [Зощенко, 1968: 102].

Кальсоны Ивана Николаевича также «упорно не пожелали стать похожими на брюки» [Булгаков, 1989: 56]. Персонажи М. Зощенко и М. Булгакова запускают процесс не семиозиса, а псевдосемиозиса. Макаренко использует по сути ту же формулу, что и герои Зощенко: «как будто это нарочно», т. е. просто делает хорошую мину при плохой игре.

Генерала Чарноту («Бег», 1937) М. Булгаков ставит в положение абсолютно идентичное тому, в которое попадает Иван Бездомный. Генерал в кальсонах расхаживает по улицам, только не Москвы, а Парижа.

«Входит Чарнота. Он в черкеске, но без серебряного пояса и без кинжала и в кальсонах лимонного цвета. < ... >

Корзухин. Прости, пожалуйста... Вы, кажется, в кальсонах?

Чарнота. А почему это тебя удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.

Корзухин. Вы ... Ты, генерал, так и по Парижу шли, по улицам?

Чарнота. Нет, по улице шел в штанах, а в передней у тебя снял. Что за дурацкий вопрос!

Корзухин. Пардон! Пардон!» [Булгаков, 1990: 267].

В отличие от новых людей генерал Чарнота не пытается выдать кальсоны за нечто другое. Если уж они должны что-то обозначать, то лишь то, что перед нами мужчина.

Новый дресс-код проникает во все сферы человеческой жизни, трансформируя даже сравнительно консервативные ее сексуальные аспекты. В романе Н. Островского «Как закалялась сталь» (1934) принарядившаяся ради свидания с Корчагиным Тоня Туманова раздражает не только членов комсомольского собрания, куда Павел, в полном согласии со стандартами советского эроса, приглашает девушку, но и провоцирует отторжение самого главного героя: «...в клубе ему было тяжело видеть ее расфранченной среди выцветших гимнастеров и кофточек. Ребята приняли Тоню как чужую. <...> “Я же ей говорил! Какому черту нужен этот форс?”» [Островский, 1955: 189–190]. С позиции носителя революционной культуры старое и рваное платье выглядит куда более привлекательно. Любовная сцена с участием других персонажей романа, Сергея и Риты, открывается такой, например, эротической прелюдией: «В лесу тихо. О чем-то шепчутся дубы. Устинович прилегла на мягкой траве, подложив под голову согнутую руку. Ее стройные ноги, одетые в старые, заплатажные башмачки, прятались в высокой траве. Сережа бросил случайный взгляд на ее ноги, увидел на ботинках аккуратные заплатки, посмотрел на свой сапог с внушительной дырой, из которой выглядывал палец, и засмеялся» [Островский, 1955: 158]. Сюжет «Золушки» в советском мире модифицирован в соответствии с новыми поведенческими канонами: героиня следует на бал в отрепьях, а принц, вместо возвращения своей суженой хрустального башмачка, сам козыряет дырявыми башмаками.

А. Жид пытался выявить, и небезосновательно, изоморфизм между внешним обликом и внутренней сущностью советского человека. «Все друг на друга похожи. Нигде результаты социального нивелирования не заметны до такой степени как на московских улицах, – словно в бесклассовом обществе у всех одинаковые нужды. Я, может быть, преувеличиваю, но не слишком. В одежде исключительное однообразие. Несомненно, то же самое обнаружилось бы и в умах, если бы это можно было увидеть» [Жид, 1990: 72].

Унификация всех сторон жизни не только результат стремления к всеобщему равенству, но и следствие миметической доминанты в поведении советского человека. Один из главных вопросов, стоящих перед ним: «Делать жизнь с кого?» (В. Маяковский). Вопрос этот, по сути, риторический, так как ответ на него очевиден: «Жизнь нужно делать с большевистских вождей». Механизм формирования психологии тотального подражательства прекрасно иллюстрирует роман А. Фадеева «Разгром» (1927). Каждый партизан отряда Левинсона старается «во всем походить на командира», перенимает «даже его внешние манеры», потому что им он представляется «человеком особой правильной породы» [Фадеев, 1975: 55].

Интересно, однако, другое: рутинное поведение и в этом случае подается как знаковое, мимезис оборачивается семиозисом. В сцене допроса дезертира помощник Левинсона Бакланов копирует один из жестов командира: «– Как?... – грозно переспрашивал Бакланов, поворачиваясь к нему всем туловищем, как это делал обычно Левинсон. (Бакланов думал, что Левинсон поступает так, желая подчеркнуть особую значительность своих вопросов, на самом же деле Левинсон поворачивался так потому, что когда-то был ранен в шею и иначе вообще не мог повернуться)» [Фадеев, 1995: 73]. Телодвижение Левинсона никакой символической нагрузки, разумеется, не несет, жест Бакланова, безусловно, семиотичен. Так, занимаясь расшифровкой квазизашифрованных текстов, советский человек запускает процесс семиозиса даже в тех случаях, в которых он вроде бы неуместен.

Библиографический список

1. Лотман, Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Избранные статьи : в 3 т. / Ю.М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1. – С. 76-90.
2. Ильф, И. Двенадцать стульев // Собрание сочинений : в 5 т. / И. Ильф, Е. Петров – М. : ГИХЛ, 1961. – Т. 1. – 562 с.
3. Эренбург, И. Рвач // Собрание сочинений : в 9 т. / И. Эренбург – М. : ГИХЛ, 1964. – Т. 2.
4. Эрдман, Н.Р. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников / Н.Р. Эрдман. – М. : Искусство, 1990. – 527 с.

5. Леонов, Л. Русский лес // Собрание сочинений : в 10 т. / Л. Леонов. – М. : Художественная литература, 1972. – Т. 9. – С. 7-717.
6. Макаренко, А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко. – М. : Правда, 1979. – 640 с.
7. Жирицкая, Е. Легкое дыхание: запах как культурная репрессия в российском обществе 1917–1930-х гг. / Е. Жирицкая // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 2. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – С. 167-269.
8. Тхоржевский, С. Стиль поведения / С. Тхоржевский // Звезда. – 2004. – № 8. – С. 206-208.
9. Зощенко, М.М. Прелести культуры // Избранные произведения : в 2 т. / М.М. Зощенко. – Л. : Художественная литература, 1968. – Т. 1. – 352 с.
10. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – М. : Высшая школа, 1989. – 196 с.
11. Булгаков, М.А. Бег // Собрание сочинений : в 5 т. / М.А. Булгаков. – М. : Художественная литература, 1990. – Т. 3. – 704 с.
12. Островский, Н. Как закалялась сталь // Собрание сочинений : в 3 т. / Н. Островский. – М. : ГИХЛ, 1955. – Т. 1. – 704 с.
13. Жид, А. Возвращение из СССР / А. Жид // Два взгляда из-за рубежа. – М. : Политиздат, 1990. – 272 с.
14. Фадеев, А. Разгром / А. Фадеев. – М. : Художественная литература, 1975. – 176 с.

Ли Вэньцзя, Е. Н. Татаринцева

ПЕРЕВОД ДРЕВНЕЙ КИТАЙСКОЙ КНИГИ В ЖАНРЕ ПОУЧЕНИЯ «ДИ ЦЗЫ ГУЙ»

В статье приводится полный перевод древней китайской книги «Ди Цзы Гуй», которая издавна используется в Китае как наставление для воспитания детей и молодых людей и не теряет своей актуальности и в настоящее время.

Ключевые слова: культура Китая, китайско-русский перевод, древняя китайская книга «Ди Цзы Гуй».

Li Wenjia, E. N. Tatarintseva

THE TRANSLATION OF THE ANCIENT CHINESE BOOK IN THE GENRE OF TEACHING «DI ZI GUI»

The article provides a full translation of ancient Chinese book «Di Zi Gui», which has been used in China as a guide for children and young people since ancient times and is still actual nowadays.

Key words: culture of China, Chinese-English translation, an ancient Chinese book «Di Zi Gui».

В статье представлен перевод древней китайской книги «Ди Цзы Гуй», автор которой – Ли Юй Сю (1662–1722), известный китайский ученый и воспитатель. В прошлом эта книга была создана по наставлению Конфуция и других мудрецов, его последователей, и использовалась при воспитании детей и молодежи. Она написана в жанре поучения: содержит правила о том, как вести себя дома и в обществе, как общаться с другими людьми, как совершенствовать свои качества и стать благородным человеком. «Ди Цзы Гуй» была переведена ЮНЕСКО на несколько языков, но официального перевода на русский язык пока нет. Мы с удовольствием представляем перевод книги «Ди Цзы Гуй» русской аудитории, чтобы на ее примере передать безграничное очарование традиционной культуры Китая, одной из самых древних цивилизаций мира.

Книга «Ди Цзы Гуй» относится к жанру поучения, при переводе это отразилось в использовании глаголов в повелительном наклонении (например, *не действуйте по своему усмотрению, не мелочитесь, умеете уступать, читайте, не бойтесь* и др.), а также в активном употреблении конструкций, в которые входят слова со значением долженствования: «надо», «должен», «нужно», «нельзя», «следует» (например, *должен уделять большое внимание, надо уметь рассуждать, нельзя брать вещи других людей, следует исправить то, что родителям не нравится* и др.).

Книга состоит из 7 частей. На китайском языке она содержит всего 340 предложений, в каждом из которых по три слова, все предложения рифмованы. Но при переводе на русский